

ДОЛГОЕ время мы о нем только слышали. Великий Анри Картье-Брессон — свидетель двадцатого века.

Он так давно фотографирует мир людей, что мы потеряли с ним ощущение времени. Его собственное время. Но благодаря ему узнаем, что оно реально существовало.

Фотография вовсе не останавливает мгновение, как это принято считать. Когда я писал о замечательном дирижере (к тому же фотолюбителе) Евгении Мравинском, я приписал ему фразу, которая, как мне кажется, точно характеризует существо фотографии: «Фотография — это смерть момента».

Не изображение смерти, а собственно смерть: момент умирает в ту секунду, когда ты нажимаешь на спуск.

А без фотографии он не умрет? Без фотографии ты его просто не заметишь, потому что без нее он перестает быть моментом. Без нее время продолжительно и слитно. Фотография создает момент, убивая его. Остается изображение, украденное у реального мира. Сам фотограф ничего не создает.

После войны было выражение — «снять бумажник, «снять» часы, то есть украсть. Именно в таком воровском смысле фотограф «снимает» изображение. Он ворует его у человека, который на себе его носит. Ворует у природы, которая тоже ему не принадлежит. Фотография — это то, что не принадлежит никому, в том числе и фотографу.

Единственное право фотографа — это право на взгляд. Взгляд — его собственность, его талант, мастерство и гениальность (если речь идет о Картье-Брессоне).

Анри Картье-Брессон — поразительное сочетание образованного художника (он учился живописи в мастерской А. Лота в двадцатые годы). Высокой нравственности последовательного антифашиста (это проявилось в работах времен испанской войны и участии фотографа во французском Сопротивлении). Любви к человеку и пониманию, что в реальном масштабе, в масштабе Времени и Пространства, все люди достойны удивления и внимания. Все чудесно.

Разумеется, и до Картье-Брессона, и во время его долгой и невероятно плодотворной жизни были и есть люди, сделавшие фотографию актом искусства. Превратившие инструмент в способ самовыражения мира. Но лишь мастер Анри достиг возможности создать образ цельного Мира человека в уходящем веке.

Он был так долго известен и знаком, он так давно цитируем и повторяем, что даже те, кто преклонялись перед ним как классиком, не полагали его все еще (слава Богу!) здравствующим и работающим.

Отар Иоселиани как-то сказал, что знаком с мэтром и более того — дружит с ним, но я не решился попросить Отара Давидовича, рабо-

На фотографию Анри Картье-Брессона, снятую в 54-м году в аудитории МГУ, случайно попал будущий выдающийся кинорежиссер Отар Иоселиани...

Картье-Брессон и смерть момента

тающего ныне в Париже, познакомиться нас.

— Это как если бы тебе предложили познакомиться с Федерико Феллини.

Я был знаком с Феллини, — сказал Отар и показал фотографию, где они стоят, прижавшись носами друг к другу, радостные от встречи. — Привози фотографии и пойдем.

Мэтр с женой, известным французским фотографом Мартин Франк, живет на улице Риволи, напротив Лувра. У двери мы остановились, и я сказал, что испытываю двойственное чувство. Мне хочется увидеть Картье-Брессона, вызывающего у меня восхищение, и од-

новременно опасаясь его реакции на мои работы.

— Не валяй дурака! Он мой товарищ. И вообще, не факт, что он станет смотреть твои работы.

Лестница была похожа на трап корабля из феллиниевского фильма. Красное дерево, красная дорожка, винтовая и чрезвычайно узкая.

Большая комната с низким потолком, картинами на стенах и мягким ковролином. Единственная лампа, направленная в стену, и два кресла. Мартин — интересная женщина, приветливо познакомившись, взяла фотографии и стала их смотреть.

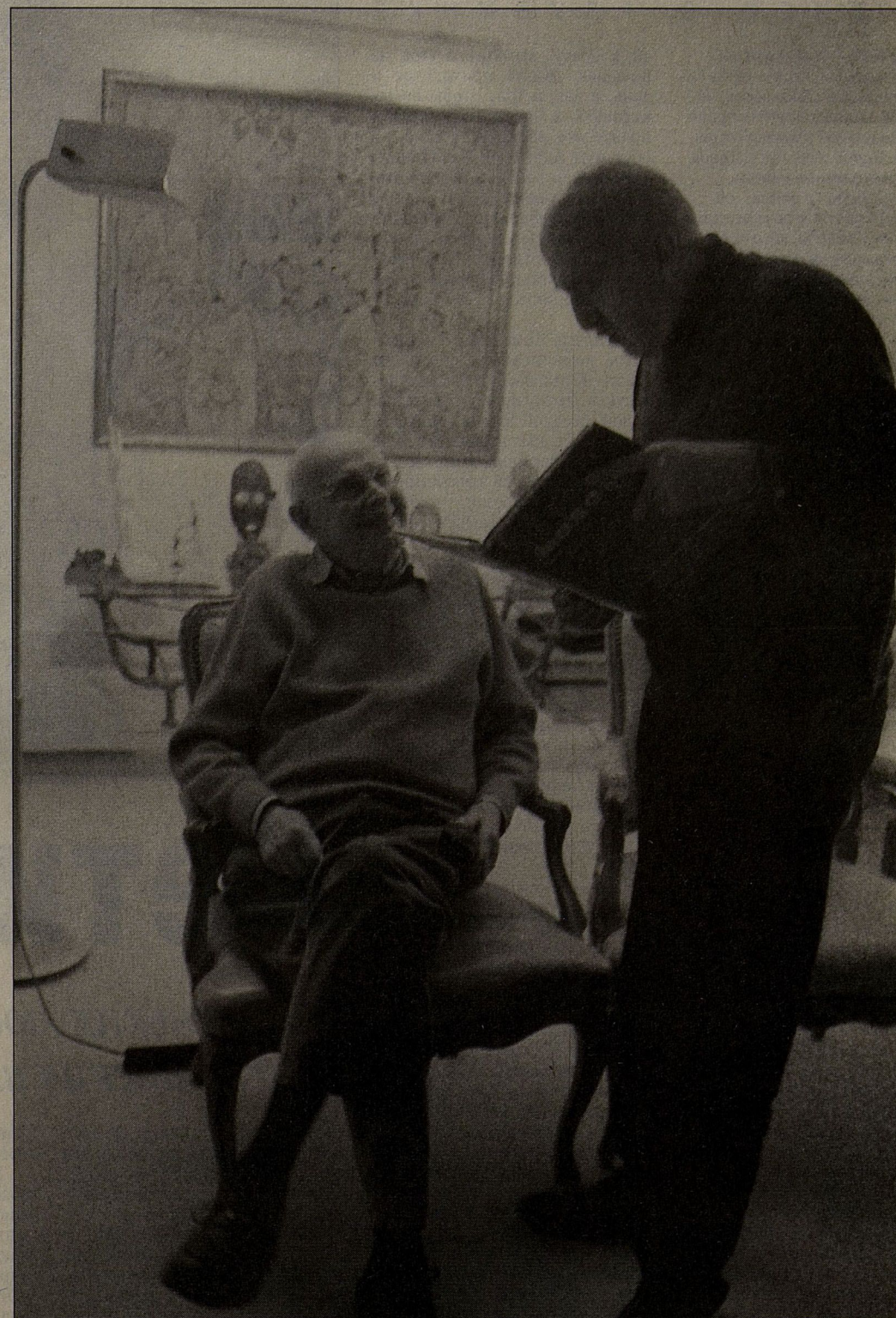
Отар обнялся с высоким пожи-

На трамвайной остановке. Пл. Ногина

В Третьяковской галерее

... А на этой фотографии Ю. Роста, снятой в декабре 2000 года, Иоселиани в гостях у Картье-Брессона

Посещение Анри

Отар ИОСЕЛИАНИ

КАРТЬЕ-БРЕССОН очень мною любим и глубоко уважаем. Сейчас он почти не фотографирует (все-таки это занятие требует беготни и энергии) — в основном рисует. Очень даже приятный и милый получился художник.

Зачное знакомство мое с ним состоялось давным-давно. В 54-м Брессон приехал в Москву, фотографировал Московский университет. Я тогда учился в МГУ на мехмате. Через много лет, листая подаренную им книгу про Россию, я вдруг обнаружил себя на фотографии. Брессон фотографировал, снимая университетскую аудиторию. По-настоящему мы познакомились лет через двадцать после этой съемки.

Я давно говорил Анри Картье-Брессону, что в России есть замечательный фотограф Юрий Рост, которого в Европе мало знают. Он очень заинтересовался. И на этот раз, когда Рост собрался в Париж, я попросил его привезти свои работы.

Мы пришли к Картье-Брессону, и он по четыре раза

возвращался к каждой ростовской фотографии. Он пришел от них в восторг!

Рост пересказывал тексты, которые сопровождают фотографии... И Картье-Брессон сказал, что такого феномена в Европе он не знает. Ведь это, сказал он, — демонстрация зрителю застывшего момента жизни. Человек отвлечен от чего-то, повернулся к снимающему и говорит: ну вот я! В это время и происходит знакомство зрителя с тем, что этот человек собой представляет и какое явление за ним существует. То есть эта фотография может принести для людей, размышляющих о житейском, некое обобщение. Это все очень понравилось Картье-Брессону и он тут же позвонил своему близкому другу, который сегодня является правой рукой министра культуры, — Бобу Дельбюру. И тот тоже оценил фотографии Рост. Картье Брессон, кстати, женат на очень высокого класса мастере фотографии Мартин Франк, которая приняла в нашем разговоре деятельное участие.

Если выставку Рост Дельбюру устроит, как он сказал, в Большом зале на площади Бастилии, — это будет большая радость для всех.

лым человеком в красном пуловере и стал разговаривать с ним по-французски. Я думал — обо мне, но они говорили об образе. Тонкая эта беседа прервалась, когда Мартин Франк достала два стакана и предложила виски. Я отказался, желая произвести приятное впечатление.

Наконец Иоселиани представил меня Мэстру, по-видимому, охарактеризовав положительно, потому что мсье Анри взял фотографии и стал их смотреть, время от времени поднимая глаза на автора. Иногда он произносил «беллессимо», о чем я, потеряв всякую скромность, спешу вам сообщить. Потом он встал и принес свою книгу «Европейцы», подарил мне ее и опять стал смотреть фотогра-

фии. Осмелев, я комментировал, кто на них изображен. Он опять встал и принес еще одну книгу. Я ощутил себя дважды героем.

— Пересмотрите дома свои негативы. Там может быть нечто, что вы когда-то не увидели.

Мартин оставила нас троим. Отар беседовал с Картье-Брессоном. Они не могли расстаться, хотя Иоселиани уже час сидел в куртке и кепке.

— Он говорит, — повернулся Отар ко мне, показывая небольшую книжку с текстами и фотографиями о Джакомо Пинкассо, Матиссе... Можешь порваться в негативах и сделать такие книжки о тех людях, с которыми встречался. Он выпустил еще несколько таких — о Пинкассо, Матиссе...

— Ага, — сказал я.

На прощание мы обнялись.

На улице, после того как парижский суровый таксист отказался везти нас в состоянии, которое таксист московский считает вполне трезвым, я сделал фотографию Иоселиани — первую после посещения великого Анри.

— Он не так снимал, — сказал Отар. — У него «лейка», и он тихонько и незаметно нажимал на спуск, не мешая жизни.

Юрий РОСТ

Возвратившись домой, я нашел неизданный у нас альбом старых фотографий Картье-Брессона о Москве 1954 года и решил поделиться радостью с вами на правах знакомого.

Танцы в обеденный перерыв

Колхозники в метро